
Ева Эн
СОВРЕМЕННЫЙ ЛЮБОВНЫЙ РОМАН
Весомый
АРГУМЕНТ
или Беги, предатель!

Ева Эн

Весомый аргумент, или Беги, предатель!

«Автор»
2026

Эн Е.

Весомый аргумент, или Беги, предатель! / Е. Эн — «Автор», 2026

Когда признание мужа в измене обрушивается на меня, как цунами, а слова "переезжай с детьми" звучат как приговор, кажется, что жизнь останавливается. Но что, если это не конец, а лишь начало самой отчаянной битвы? Он думает, что обрёл своё счастье, наследника, и готов вышвырнуть меня с дочерьми на улицу, чтобы освободить место для новой семьи. Пусть так. Вот только он ещё не знает, на что способна мать, защищающая своих детей.Так что, милый, осознай: если жена берёт в руки скалку, не факт, что будут пирожки!***- Никто не виноват, - заявляет мой муж. - Просто я полюбил другую.После таких слов у меня глаза на лоб лезут, а он продолжает:- Мы с Лерой переедем сюда, а ты с детьми...К горлу подступает тошнота. Не от обиды, а от брезгливости.- Не продолжай, - резко перебиваю я и демонстративно хлопаю в ладоши; мука летит в разные стороны.Оборачиваюсь, вижу его самодовольную рожу, и это становится последним весомым аргументом для того, чтобы начать действовать.

© Эн Е., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 7
Глава 3 10
Глава 4 12
Глава 5 14
Глава 6 16
Глава 7 18
Глава 8 20
Глава 9 22
Глава 10 24
Глава 11 26
Глава 12 28
Глава 13 30
Конец ознакомительного фрагмента. 31

Ева Эн
Весомый аргумент, или Беги, предатель!

Глава 1

Обидное ли определение - домохозяйка?

Для кого как. Вот я в свои тридцать с коротким хвостиком - домохозяйка - замужняя женщина, не работающая по найму и ведущая хозяйство своей семьи, находящаяся на материальном содержании у мужа, и не стесняюсь этого.

Да, не стыжусь! Потому что это тоже работа, а не продавливание дивана перед турецким сериальчиком.

Ежедневная готовка, стирка, уборка, глажка, закупка продуктов и бытовой химии... Кручусь одна по нашему двухэтажному дому в почти 1 тысячу квадратов как белка в колесе.

Нужно всё успевать, ничего не забывать, а, кроме всего прочего, ещё и выглядеть для своего мужа сексуально-привлекательно.

Если ко всему этому приплюсовать ещё двоих детей - девочек восьми и девяти лет, то моя “работа” превращается в настоящий подвиг! Именно подвиг, не больше и не меньше. Инженер уходит на работу, отпахивает смену и возвращается домой отдохнуть, а я работаю круглосуточно, 24/7, при этом успеваю быть и поваром, и кондитером, и врачом, и психологом, и учителем, и уборщицей, и садовником, и водителем.

Мы вполне состоятельная семья, даже больше - наш доход далеко за стандартной верхней планкой заработка, и тем не менее, мой муж и раньше и сейчас категорически против чужих людей в доме, поэтому я справляюсь сама.

Вот и сегодня, переделав все хозяйственные дела за день, закончив помогать с немудрёным домашним заданием третьеклашке Соне, я сажусь за заковыристую математику с четвероклашкой Викторией. Пробую сосредоточиться, однако, время от времени поглядываю то на часы, то на дверь.

Уже почти восемь вечера, и Илья опять задерживается.

Я не всегда была домохозяйкой. Крупная группа компаний “ЭкоЛес”, где мой муж является гендиректором, - это наше общее детище. По крайней мере, так было когда-то. Мы с ним вместе начинали мечтать о том, как будем создавать красивую и экологичную мебель из массива дерева. Вместе открыли скромную компанию, которая со временем разрослась в довольно прибыльный, а потом и серьёзный мебельный бизнес.

А дальше я забеременела, появилась София, потом Виктория, и Илья твёрдо сказал: “Давай каждый будет на своем месте. Я - мужчина, добытчик. А ты - хранительница очага, хозяйка и мать. Не сомневайся, Настя, ты нужна детям больше, чем компании.”

Он всегда был уверен в своей правоте, в правильности распределения ролей. И, честно говоря, тогда его слова звучали очень убедительно. В конце концов, что может быть важнее, чем семья и дети?

- Читай задачу, я слушаю.

Вика бубнит что-то про то, что из пунктов А и В одновременно в одном направлении выехали 2 поезда, а меня не может не беспокоить, что в последнее время эти его задержки стали слишком регулярными.

Раньше Илья всегда старался приехать к ужину, чтобы провести время с семьей. А сейчас? “Пробки, завал на работе, надо задержаться…” - объяснения становятся всё более расплывчатыми и сухими.

Не могу не задумываться:

Что случилось?

Неужели наша налаженная жизнь, наш уютный мир трещит по швам?

Стараюсь мыслить разумно. Глупости! Просто устал человек. Все мы устаем.

Ужин готов и ждёт своего часа. Аромат запеченной бараньей ножки с травами щекочет нос, картофельное пюре с молоком и сливочным маслом так и просится на тарелку, а свекольный салат с козьим сыром и орешками разжигает аппетит. Если ко всему перечисленному добавить ещё и запах свежеиспечённого горячего хлеба с хрустящей корочкой, то уже очень хочется сесть за стол.

Вместе с растущим аппетитом нарастает и раздражение. Ненавижу, когда Илья задерживается!

Дочь уныло вздыхает и в который раз перечитывает условие задачи.

- Я не понимаю! - канючит, с неохотой глядя в рабочую тетрадь по математике.

- Викуль, давай попробуем вместе, - говорю спокойно, хотя внутри всё кипит. - Я помогу тебе, возможно, подскажу. Но делать за тебя не буду! - использую давно заученную фразу.

Она протягивает мне тетрадь. Ещё раз вслух читаем про два многострадальных поезда, которые выехали в одном направлении… И тут хлопает дверь в прихожей.

Илья!

Муж появляется на пороге. Пиджак распахнут, галстук болтается на шее, словно повис аккурат на грани приличия, а три верхних пуговицы на рубашке расстёгнуты, обнажая треугольник груди. Почему-то именно эта непреднамеренная небрежность сейчас раздражает больше всего. Обычно он всегда безупречен, эталон собранности и аккуратности.

- Извини, - произносит он устало, но в его голосе нет и намёка на вину, - пришлось задержаться.

- Привет, - отвечаю, стараясь, чтобы мой голос звучал ровно. - Ужинать будешь?

Он морщится.

- Нет. Я уже поел. Встречался с потенциальными инвесторами из Абу-Даби в “La Terrasse”. Отличный, кстати, ресторан.

И тут меня накрывает волна злости. Поел! А подумать обо мне, предупредить, сказать, что не нужно готовить, времени у него не нашлось? Ладно позвонить не можешь, но хоть смс отправь! Дети-то баранину не едят. Для них я приготовила фрикадельки.

Кажется, сейчас я взорвусь.

- Па-ап, иди, посмотри, что я нарисовала! - доносится откуда-то голос Софии.

Илья вздыхает:

- Мама посмотрит.

- Па-ап, помоги, - тянет Вика.

- Мама поможет, - излишне резко отвечает он. - Насть, ну честное слово! Ты что, сама справиться не можешь? Буду в кабинете.

С этими словами Илья уходит, оставляя меня самостоятельно разбираться со своими мыслями, сложно сдерживаемыми эмоциями и треклятыми поездами, которые никак не доедут в пункты А и Б.

Глава 2

С настроением не выяснять отношения, а попытаться понять, что, собственно, происходит, я появляюсь на пороге кабинета. Разумеется, делаю это не сразу, а лишь спустя пару часов, когда заканчиваю с уроками, кормлю девочек ужином и укладываю их спать.

Дверь открываю не пинком, а бесконфликтно стучу, чтобы исключить возможный срыв каких-нибудь важных онлайн-переговоров.

Я нахожу Илью, развалившимся в кресле с бокалом виски в руке (и, судя по полупустой бутылке рядом с ним на столе, уже далеко не первым).

Стараюсь не показывать и тени раздражения, хотя, каюсь, внутри всё клокочет.

- Поговорим? - я начинаю первая.

- О чём? - Илья так хмыкает, что мне становится обидно. - О детях?

“Конечно, о чём со мной ещё разговаривать? С разносторонне развитой, привлекательной женщиной с высшим экономическим образованием!”

Сердце сжимается, но я не сдаюсь, хотя от былого энтузиазма не остается и следа.

- Можем о работе, - предлагаю я, скрещивая руки на груди.

Илья вздыхает, откидывается на спинку стула и поднимает на меня глаза, будто делает мне огромное одолжение.

- У нас появились новые инвесторы? Каковы их ожидания по рентабельности инвестированного капитала? Готовы ли они к долгосрочным инвестициям или их интересует быстрый возврат? - Я стараюсь придать своему тону профессиональный оттенок.

Он отпивает виски и смотрит на меня нечитаемым взглядом.

- В целом, неплохо, - отвечает он, немного смягчившись. - Если не вдаваться в подробности, то они нами очень заинтересованы. Мы обсуждали возможность создания совместного предприятия.

- И какую долю в акционерном капитале они запросили? - не унимаюсь я.

- Насть, хватит, - резко обрывает он.

Раньше он никогда не позволял себе подобного. Но, “никогда не говори никогда” - так, ведь, говорят?

- Хватит что? - Мой голос звучит жёстче, чем я планировала. - Хватит интересоваться делами своего мужа? Судьбой семейной компании? Или хватит пытаться наладить отношения с тем, кто этого не хочет?

Илья переводит взгляд на дно бокала. Задумчиво крутит его, а потом залпом осушает остатки. Наконец, он снова смотрит на меня, и я вижу в его глазах что-то, что заставляет моё сердце болезненно сжаться.

- Я хочу развестись.

Вот так просто, сразу, в лоб, без прелюдий и смягчающих обстоятельств, после 10 лет совместной жизни.

Не знаю, что чувствуют мужчины, когда их бьют ниже пояса, но для женщины услышать подобное - это всё равно, что получить подлый удар кувалдой прямо в грудь. Кажется, все рёбра моментально ломаются, дыхание тут же перехватывает. Не можешь ни вдохнуть, ни выдохнуть, ни зарыдать по-людски, потому что эта сволочь бессовестная сидит напротив и смотрит на меня.

Страсть, как тянет устроить скандал... но я молчу.

На негнущихся ногах выхожу из кабинета и иду на кухню.

Пытаюсь держать себя в руках, несмотря на то, что внутри ощущаю себя до полусмерти перебитой циничной правдой; бедное сердце так вообще хрипит в мучительной агонии.

Некоторое время я просто понуро стою, уперевшись руками в кухонный стол, чтобы не упасть. Затем некстати вспоминаю, что обещала детям испечь любимые слойки, поэтому накидываю фартук и принимаюсь за дело.

Все мы по-разному переживаем стресс. Кто-то в напряженной ситуации начинает действовать резко и хаотично, стараясь как можно быстрее всё обсудить и исправить. Другой, наоборот, замирает в ожидании, что тревожащий фактор исчезнет сам собой. Ну а моё тело и психика переходят в “режим повышенной готовности” и пытаются приспособиться к новым условиям.

Руки двигаются сами по себе, подчиняясь давно отработанной схеме: сперва я быстренько завожу тесто, а потом, скалкой вкатываю в него сливочное масло. Этот хлопотливый трудоёмкий процесс сейчас кажется мне чудовищно похожим на то, как со мной обошёлся Илья. Что уж говорить - раскатал!

Не вижу - спиной чувствую, когда он появляется на кухне.

- Насть, я… - начинает он. Слышу, как он переминается с ноги на ногу, как ему не терпится высказаться...

А мне хочется предупредить: “Молчи!”

- Никто не виноват. Просто я полюбил другую.

После таких слов у меня глаза на лоб лезут.

“Никто не виноват?!” - проносится в моей голове. Значит, этот предатель пусть не считает, но допускает саму мысль, что я могу винить себя в его измене? Это просто за гранью моего понимания!

Я молчу, продолжая раскатывать тесто. Чувствую, как мои руки крепко сжимаются на скалке, и на мгновение представляю, как она становится не просто кухонным инструментом, а чем-то… более весомым.

- Это жизнь, Насть, - с нажимом произносит Илья. - Не знаешь, когда полюбишь, а когда разлюбишь. Ты должна меня понять!

“Должна?” - стучит в голове, заглушая все остальные мысли. Теперь этот гад уверен, что я ему что-то должна!

Мои руки продолжают работать.

Я должна понять, что жизнь непредсказуема? Что любовь мимолетна?

Или понять, что он - эгоист, которому наскучила одна женщина, и он отправился на поиски новой? Понять, что его слова - жалкая попытка оправдать свою низость, прикрываясь якобы объективными законами “жизни”?

- Мы оба всё понимаем. Между нами уже давно ничего нет.

А вот это уже новости!

“Между нами ипотека за дом, десять лет брака и кредит за две машины, если что”, - хочется ответить мне.

- Как давно? - мой голос срывается на смешок, не смешной.

- Полгода.

Значит... полгода. Это сто восемьдесят дней обмана. Сто восемьдесят ночей, когда мой муж приходил от любовницы и ложился со мной рядом. Сто восемьдесят завтраков, обедов, ужинов, разговоров - и всё это время он думал о другой. Любил другую!

- Мне хочется жить, понимаешь? Не существовать, а жить.

Мои руки перестают двигаться. Скалка застывает в пространстве. Я дважды подкидываю её на ладони, словно взвешиваю все возможные “за” и невозможные “против”. Ощущаю её тяжесть, её гладкую, отполированную поверхность, и ловлю себя на мысли, что ещё пара неосторожно брошенных фраз - и я могу совершить непоправимое.

- И с ней - ты теперь жить будешь, да?

- Она меня вдохновляет.

- На что? На аренду однушки?

- Почему сразу однушки?! - как-то даже оскорбленно заявляет Илья. И дальше спокойно - как само собой разумеющееся: - Мы с Лерой переедем сюда, а ты с детьми...

К горлу подступает тошнота. Не от обиды, а от брезгливости.

- Не продолжай, - резко перебиваю я и демонстративно хлопаю в ладоши; мука летит в разные стороны.

Оборачиваюсь, вижу его самодовольную рожу и это становится последним весомым аргументом для того, чтобы начать действовать.

Пусть он наконец осознает, что если жена берёт в руки скалку, не факт, что будут пирожки!

Глава 3

Я вижу наше скорое будущее, как в замедленной съёмке: моя рука, крепко сжавшая скалку, взлетает вверх. Прицеливаюсь, как бегемот из того самого советского мультфильма “Ну, погоди!”, где он одним точным броском рушит все фигуры из цилиндрических чурок в “городках”.

В моей голове уже звучит всем знакомая с детства музыка: “Тыры-пам пам...”

Скалка практически уже свистит в воздухе, и я представляю, как через секунду она идеально ляжет на ухоженную улыбку моего мужа, сбивая весь ряд его белоснежных зубов.

Но я замираю в последний миг... потому что из-за широкой фигуры отца неожиданно высовывается маленькая фигурка Софии в пижамке с мишками. Она трёт глазки и сонно бормочет:

- Мам, я водички хочу! - Её голосок режет воздух, переключая моё внимание.

Илья смотрит на меня с таким испуганным видом, словно всё понимает - его лицо искажено, в расширенных зрачках ужас. Будто ещё секунду назад он находился на железнодорожных путях, где на него всей скоростью мчался локомотив, требовательно гудящий и неумолимо приближающийся, с грохотом колёс и вспышками фар. Но в последний момент рельсы благополучно свернули на другую ветку, и паровоз пронёсся мимо, оставляя его целым, но обосранным.

Его руки впиваются в дверной косяк, а на лбу проступает пот - смесь облегчения и стыда, от осознания, насколько близко он подошёл к тому, чтобы закончить этот день откровений в травмпункте.

- Иди сюда, солнышко, - говорю я и беру дочку за руку, отводя взгляд от этого жалкого зрелища.

София тянется ко мне, её маленькие пальчики сжимают мои, и я думаю: хорошо, что она ничего не понимает. Своим нечаянным появлением она только что сохранила своему отцу зубы, тогда как он оказался настолько бессовестным и подлым, что всерьёз рассуждает о том, чтобы выставить нас на улицу.

И, что-то подсказывает мне, что на этом он не остановится...

Я наливаю дочке воды с лимоном, как она любит, стараясь не смотреть в сторону мужа.

София делает несколько глотков, а потом топает к себе в комнату вместе со стаканом. Спит на ходу. Я провожаю её взглядом, следя за тем, как она очень осторожно, чтобы не пролить ни капли, несёт его двумя ручками. Сердце сжимается от этой детской сосредоточенности - простой, чистой, в мире, где взрослые не стесняются и во всей красе демонстрируют свою моральную уродливость.

Мы с Ильёй молчим до тех пор, пока детские шаги не затихают полностью.

Я стою, уперевшись обеими руками в столешницу. Безобидная скалка лежит рядом.

Начинаю первой:

- Ты хочешь выгнать нас из нашего дома?

Илья открывает рот, но слова не выходят. Он проводит рукой по волосам, пытаясь собраться.

- Насть, это не совсем так… Мы разберёмся с имуществом. Я не оставлю вас без ничего. Просто… нам всем нужно пространство для новых начал.

Это объяснение звучит как насмешка.

На мгновение он замолкает. Я вижу как его внимание сначала цепляется за скалку. Затем его глаза скользят дальше, Илья окидывает взглядом всю кухонную утварь - и ножи, и тяжелые сковородки, и массивную разделочную доску - судя по всему, он прикидывает варианты и оценивает возможность повторения ситуации.

- Детям не нужны перемены с переездами, - говорю я. - Им нужен дом, где они выросли.

- По-моему, ты сильно преувеличиваешь, - морщится он, показывая этим своё отношение и к ситуации в целом, и ко мне в частности. - Девочки воспримут смену места жительства безболезненно. У них есть ты, это главное. А дом… Насть, давай будем реалистами, одна ты ипотеку за этот дом не потянешь.

- Вот как? - Я даже бровь приподнимаю. - За ипотеку переживаешь?

Скрещиваю руки на груди, чувствуя, как внутри разгорается возмущённое отчаяние. Он говорит со мной так, будто мне нужна помощь, будто я слабая и беспомощная. Будто он совершенно уверен, что я должна соглашаться на любые его условия.

Илья вздыхает, словно я в очередной раз усложняю простую ситуацию.

- Девочки, - начинаю я...

- Вот именно! Девочки! - грубо перебивает он. - Может быть, от них я и устал! Я хотел сына, а не двух девочек!

Я даже смеюсь. Невесело. Словно это от меня зависело, кому рождаться - двум девочкам или мальчику.

- От них устал? - я повторяю, словно перепроверяя, правильно ли его расслышала. - Ты устал от своих детей? Ты… ты серьёзно?

Я смотрю на него, и меня охватывает немой ужас. Это уже не просто измена. Это какая-то чудовищная, циничная жестокость!

Он молчит. Молчит, и это молчание хуже любых слов. Это признание. Омерзительное признание того, что он готов бросить нас, потому что мы не соответствуем его идеальным представлениям о семье. Видите ли у нас дети “не того пола”!

- А твоя... Лера… - мой голос срывается. - Она знает, что тебя “утомили” девочки? Она готова рожать тебе до бесконечности, пока не появится мальчик?

- У нас с ней уже будет сын, - говоря это Илья выпячивает грудь колесом и даже не думает скрывать от меня эмоции. Да и зачем? Ведь сбылась его мечта! - Нам нужно решить вопрос с разделом имущества. И с жильём. Моя позиция такова: дом остается мне. Здесь будет расти мой сын. Это не обсуждается. А вы… вы с девочками найдете себе другое место. Я помогу вам с этим.

Глава 4

- Какое благородство! - язвительно говорю я. Руки сами собой складываются на груди, словно пытаясь удержать рвущуюся наружу боль. - А ты новую жизнь на новом месте начать не хочешь? Ты же говорил о “новых началах” для своего такого долгожданного сына. Или не настолько наш “герой” готов к переменам, когда дело касается его самого?

- Насть, давай без истерик, - Илья пытается говорить спокойно. Он подходит ближе и теперь я вижу, как дрожат его пальцы, сжимающие край стола. - Это просто… объективная реальность.

- Объективная реальность? - невесело усмехаюсь. - Так ты объясняешь своё желание выставить нас из нашего дома, потому что наша семья тебе больше не подходит?

- Я не выставляю вас. Я помогу вам найти другое жильё.

- Поможешь? - Моя рука снова тянется к скалке, но я тут же одёргиваю себя. (Нужно думать о том, что у меня двое детей, и нанесение тяжких телесных мужу лишь усугубит ситуацию, а не разрешит её.) Смеюсь. - Твоя помощь - это жалкая попытка заглушить остатки собственной совести. Я думала, ты человек. Я думала, ты отец. А ты… ты просто трус. Трус, который не способен нести ответственность за свои поступки.

Говорю, а у самой внутри всё сжимается от невыносимой боли.

Это ведь не просто измена! Не просто предательство!

Он строил новую семью за моей спиной... Планировал другую жизнь, пока я жила рядом с ним, любила, пока верила ему, пока растила наших девочек... Пока до блеска вылизывала этот дом!

- Не говори так, - Илья отводит взгляд. - Я делаю всё, что могу.

- Ты делаешь всё, что тебе удобно! - срываюсь я, и в этот момент чувствую, как по щеке катится слеза; одна-единственная, которую я тут же зло смахиваю. - Ты готов разрушить жизнь своих дочерей ради иллюзии, ради собственного эго! Ты думаешь, всё как-то обойдётся? Думаешь, они не почувствуют, что папа их предал? Что он предпочёл новую семью, новую жизнь, только потому, что там, возможно, будет мальчик?

Я делаю глубокий вдох, пытаясь успокоиться, но он не выходит.

- Не возможно, а точно будет, - сказано слишком самоуверенно. - И я хочу чтобы мой сын рос здесь. Это принципиально.

Ещё никогда в жизни я не испытывала такого жгучего, всепоглощающего гнева. Он застилает глаза, заглушает здравый смысл, сжигая дотла остатки любви и уважения, которые ещё несколько часов назад я питала к этому человеку.

- По закону, Илья, ты не можешь выгнать детей из дома, - в моём голосе звучит металлическая нотка.

Он смотрит на меня, и в его глазах мелькает что-то неприятно решительное.

- Если нельзя, но очень хочется, то всё можно. Однако, заметь, что пока я пытаюсь с тобой договориться... по-хорошему.

- А может быть по-плохому?

- Может, - отвечает он, и это звучит как приговор. - Я заеду в этот дом с Лерой, хочешь ты этого или нет.

Смотрю на него, и, кажется, мир вокруг сужается до размеров этой кухни: до этой скалки, лежащей рядом, до мужского, упрямо вздернутого подбородка, до моих дрожащих рук, до его безжалостных слов.

- Значит, будем жить общежитием? - изумлённо выдыхаю я. “Ну и ну!” - Ты в своём уме? Ты на самом деле предлагаешь мне и нашим детям жить под одной крышей с твоей беременной любовницей?

Нет, я отказываюсь в это верить! Илья не способен на такое. Или способен?

Это уже далеко за гранью моего понимания, за гранью человечности!

Вместо ответа он просто цинично хмыкает.

- Ты думаешь, что я позволю этому случиться?

- Настя, ты ещё не поняла, что я даже спрашивать тебя не буду! - равнодушно бросает он. - Если ты откажешься переезжать, то вам с девочками придётся привыкнуть.

“Давай”, - хочется сказать мне, - “раз такой смелый, то подходи на расстояние удара!”

- И как же к нашему совместному проживанию отнесётся Лера?

- С пониманием. Я делаю это ради сына.

- Ради сына?! - я смеюсь, и в этом смехе нет ничего, кроме боли и отчаяния. - Ты готов пожертвовать душами своих дочерей ради иллюзий и собственных амбиций!

- Готов, - так просто отвечает Илья.

Смотрю на него, и вижу не мужа. Не отца своих детей. Я вижу незнакомого, чужого человека. Предателя. Подонка. Мерзавца без чести и совести.

“Так ли нужно испытывать, на что он способен?” - мелькает мысль. И ответ приходит сам собой: нет. Не нужно.

- Ты хочешь этот дом? Хорошо. Ты его получишь. Но ты получишь его таким, каким я его оставлю. И, поверь, я найду способ, чтобы ты жалел о каждом своём слове, о каждом своём поступке. Ты ещё увидишь, насколько “объективной” может быть реальность, когда ты окажешься на другой стороне.

Глава 5

Больше никаких разговоров.

Я молча убираю тесто в холодильник, затем мою посуду. Внутри меня всё вопит от очевидной несправедливости, но снаружи - лишь ледяное спокойствие. Илья так и продолжает стоять и следить за моими действиями, словно хочет добавить ко всему сказанному что-то ещё, но тоже молчит.

Видимо, у него всё-таки срабатывает инстинкт самосохранения. И правильно! Потому как я сейчас нахожусь в состоянии сильнейшего аффекта, и если что случись - меня любой суд присяжных оправдает.

Вытираю руки, прохожу мимо. Хорошо, что сдерживаюсь и не припечатываю его ногу своим тапком к полу.

Поочерёдно заглядываю в спальню к девочкам. Соня спит, укрытая одеялом, с плюшевым мишкой в обнимку. А вот Вика беспокойно ворочается и что-то бормочет во сне. Я аккуратно подтыкаю им одеяла, целую каждую в лоб. Их безмятежные лица - единственное, что сейчас держит меня на плаву.

Затем направляюсь в одну из гостевых комнат. Ту, что подальше от семейной спальни, Ильи и его новой жизни.

Дверь закрывается за мной с тихим щелчком, отрезая от остального спящего дома. И только тогда, когда я оказываюсь в полной тишине, позволяю себе единственное проявление слабости: медленно сползаю на пол и закрываю глаза.

Колотит. Стискиваю себя руками, вцепившись в предплечья настолько крепко, что, кажется, больше не смогу разжать пальцы.

Слёз нет. Зато эмоций через край и все абсолютно отрицательные. Даже у сильных могут сдавать нервы.

Шутка ли, десять лет брака коту под хвост!

Это для Ильи всё давно очевидно, он, оказывается, уже полгода как морально готовился к нашему разводу. Полгода! Полгода он смотрел мне в глаза, а сам, как оказывается, жил другой жизнью, тогда как я ещё сегодня в обед считала, что у нас всё в полном порядке. О том, что любовь прошла, меня в курс не поставили.

Сколько вот так сижу? Пять, десять минут? Час? Кажется, проходит целая вечность, потому что затёкшее от неподвижности тело ноет, как после основательной уборки опавших листьев во дворе нашего дома. По-ощущениям - будто я успела и перетаскала их к воротам мешок за мешком. (Да, за нашим садом слежу я тоже одна: кошу траву, убираю листву, подстригаю кусты, а с середины осени работы на территории заметно прибавляется.)

Взгляд падает на небольшой комод в углу. Там, среди нескольких фотографий, я вижу одну в серебряной рамке. На ней - мы с Ильей, с малышками на руках, улыбаемся. София только родилась. Это наша первая общая семейная фотография - снимок, полный наивной веры в светлое счастливое будущее.

А что теперь?

Не вижу смысла цепляться за прошлое. Нужно как-то жить дальше...

Вдыхаю глубже и утыкаюсь лицом в ладони.. Сначала скатывается одна слеза, а потом я не могу их остановить. Плачу беззвучно и злюсь. До чего же я злюсь! На себя за то, что плачу, на эти слёзы, что текут...

Да, накрывает. И это не страшно. Это временно. У сильных это всегда временно.

***

Утром я беру себя в руки, иду в ванну - и вперёд, в новый день!

Пораньше спускаюсь на кухню, чтобы испечь девочкам обещанные слойки и приготовить завтрак.

Дом ещё спит. Тишина. Аромат утреннего кофе, который я обычно пью одна, сейчас кажется каким-то пустым. Вчерашние эмоции ещё витают в воздухе, но я намеренно не хочу возвращаться к ним.

Достаю тесто из холодильника, где оно простояло ночь. Мои руки начинают привычные движения: раскатываю, сворачиваю, формирую. Представляю, как девочки с радостными улыбками будут уплетать тёплую, румяную выпечку.

Вчера с решениями я погорячилась.

Возможно, Илья уже представляет, как будет растить здесь своего наследника. В уютном доме, который создавался мной, который хранит смех и детские воспоминания моих дочерей. Для него это просто стены, куда он хочет привести свою новую семью, но для меня - это всё. Моё прошлое, моё настоящее и моё будущее. И я не отдам его просто так!

Я выкладываю слойки на противень. Духовка уже разогрета. Отправляю их туда.

Запах свежей выпечки начинает наполнять кухню, прогоняя остатки прежних сомнений.

Ставлю чайник, готовлю завтрак - всё делаю механически, но с внутренней сосредоточенностью. Нужно действовать! Нужно думать!

“Одна ты ипотеку за этот дом не потянешь!” - Вчера в голосе моего мужа звучала оскорбительная снисходительность и уверенность в моей беспомощности.

С ипотекой как раз всё просто - погашу. Когда мы с Ильёй только начинали бизнес, совместно решили, что не будем вытаскивать деньги из оборота компании. Дела шли хорошо, мы развивались, и выплаты по ипотеке шли спокойно, без ущерба для производства. Теперь ситуация изменилась.

И, раз такое дело, то я отдам распоряжение. У нашего бизнеса есть приличные вращающиеся средства, которые можно использовать в экстренных случаях. А наш случай, кажется, именно такой.

Кстати, слойки готовы. Их аромат разносится по кухне, смешиваясь с запахом свежесваренного кофе. Завтрак уже на столе, но только для девочек и меня, для нас троих. Пусть мой неверный супруг начинает привыкать к новым реалиям.

Слышу шаги наверху. Они приближаются. Время пробуждения.

- Мамочка! - раздаётся звонкий голос старшей Виктории. Младшая София, как обычно, ещё сонная, трётся о мои ноги. Я улыбаюсь им, настоящей, беззаботной улыбкой, той, которая ещё недавно была моей обыденностью.

- Доброе утро, мои хорошие, - говорю я, обнимая их. - Смотрите, что я вам испекла.

Детские глазки загораются. И ради этих глаз, ради их искренней радости, я готова сражаться.

Глава 6

Когда на кухне появляется Илья, его ищущий взгляд останавливается на сервированном столе, где стоят только три тарелки для меня и девочек.

На его лице отражается явное неудовольствие, но он предпочитает промолчать. Однако выражение его лица красноречиво говорит о раздражении. Вместо привычного утреннего ритуала, когда я целовала его в щёку и подавала ему кофе, омлет и идеально выглаженную рубашку, ему приходится всё делать самому.

Выходит так себе: яйца сперва не взбиваются, потом подгорают, а кофе получается сначала слишком холодным, затем невыносимо горячим и слишком горьким. Вижу, как Илья недовольно хмурит брови, но на открытый конфликт не решается.

- Пап, а когда мы поедем в Аквапарк? Ты же обещал!

“Отец-молодец”, не поднимая глаз, отвечает односложно:

- Потом.

Его взгляд задерживается на противне с аппетитными слойками, рука автоматически тянется к сладкой, соблазнительной выпечке, но я быстренько переставляю её на другой конец стола.

- И нам больше нельзя? - спрашивает Вика, облизывая губы от хрустящих крошек.

- Это для вас, - говорю я, не отрывая взгляда от Ильи. - Вы же просили.

В глазах мужа проскальзывает что-то похожее на удивление, смешанное с досадой. Он всё понимает: кормить, обстирывать и обглаживать его в этом доме больше не будут. Моё намерение не подчиняться его правилам становится слишком очевидным. И сегодняшнее утро - это только начало.

- Пап, ну почему потом? - канючит Соня, умилительно сморщив свой носик.

- Вот так всегда: потом, потом, потом! - присоединяется Вика, меряя отца вполне серьёзным, для девятилетнего ребёнка, взглядом.

- Ты же обещал нам весёлые выходные!

- Потом, - повторяет Илья, с трудом проглатывая подгоревший омлет. - Я сказал, потом. Насть... - раздражённо начинает он, но тут же осекается и замолкает.

Я понимаю, что он хочет сказать. То же, что и всегда:

“Насть, ну честное слово! Ты что, сама всё решить не можешь?”

Илья резко поднимается из-за стола, оставляя свой недоеденный завтрак и полупустую чашку кофе. Выходит из кухни, а через несколько минут все мы слышим, как громко за ним хлопает входная дверь.

Я же чувствуя странное, непривычное удовлетворение.

***

Как только я отвожу обеих девочек в школу и вновь оказываюсь дома, попутно прокручивая в голове список сегодняшних дел, на пороге появляется свекровь.

Честно признаться, мы с Варварой Семёновной едва друг друга переносим, но уже десять лет держим вежливый нейтралитет.

- Доброе утро, - не сдерживая непроизвольного тяжкого вздоха, говорю я.

- Не сказать, что доброе, - сходу начинает она и будто невзначай проводит указательным пальцем по идеально чистой поверхности тумбочки для ключей в прихожей, словно проверяет меня на профпригодность.

- Вы с претензиями? - спрашиваю я, чтобы понимать, к чему готовиться. - Чаю?

- Я за варениками. - И бровью не ведёт - отвечает сразу, с упрёком напоминая мне о том, что я должна была налепить для неё вареников с творогом. - Чай буду. И, кстати, о претензиях:

у тебя туи требуют срочной стрижки. Совсем вид потеряли. Нужно провести санитарную и формирующую обрезку.

- Я в курсе, Варвара Семёновна. Займусь этим в самое ближайшее время. Сейчас у меня немного другие приоритеты.

- Приоритеты? - она смотрит на меня с осуждением. - Ты думаешь, мой сын будет в восторге, когда увидит, что ты за домом не следишь?

- Я думаю, что вашего сына сейчас больше волнуют другие заботы, нежели несколько неподстриженных кустарников, - парирую я, идя на кухню заваривать свежий чай. - А мой дом - это моя забота. И мои туи будут выглядеть так, как я считаю нужным.

Я отнюдь не грублю, просто знаю, когда необходимо поставить Варвару Семёновну на место.

К примеру, в свой предыдущий визит, она, под предлогом поиска забытой ею же в прошлом году шали, полезла к нам в шкаф и, наткнувшись на мои кружевные красные стринги, долго и громко возмущалась:

“Замужние женщины такое не носят!”

Сегодняшнее неожиданное появление “за варениками” не становится исключением.

- Ты о чём? - спрашивает она, когда я ставлю перед ней чашку чая, тарелку со слойками и вазочку с любимым вишнёвым вареньем. Ее взгляд ещё ненадолго задерживается на несчастных туях за окном, но в нём уже гораздо меньше упрёка, больше какого-то внутреннего напряжения.

- Я о том, что ваш сын завёл другую семью.

Глава 7

- Абсурд, - отрезает Варвара Семёновна и как ни в чём не бывало отпивает чай. Её рука не дрогнула, взгляд спокоен, словно я только что сообщила ей о погоде за окном.

Жёсткая женщина, выкованная жизнью: она растила Илью одна после того, как его отец бросил их, когда мальчику было десять - почти как нашей Вике сейчас. Она вкалывала на двух работах, не жаловалась, научила сына быть “настоящим мужчиной”, и мысль о том, что он мог бы повторить судьбу своего отца, для неё нереальна - исключена полностью, как ошибка в космических расчётах.

Я стою, смотрю, как она невозмутимо макает слойку в вишнёвое варенье, и почти слышу, как внутри у меня что-то тихо потрескивает, как старая проводка; кажется, вот-вот закоротит.

- Это - не абсурд. Это реальность. Илья сам мне признался, что у него есть другая женщина. К тому же… она беременна.

На лице свекрови не дрогнул ни один мускул.

- Настя, - она останавливает на мне взгляд, в котором теперь читается не столько недоверие, сколько попытка понять, почему я продолжаю настаивать на этой “глупости”. - Наверняка ты что-то не так поняла. Это не в его характере. А вот то, что у тебя цветы не политы, это факт.

Варвара Семёновна кивает в сторону окна.

- Их часто не поливают, - отвечаю я. - это кактусы.

- Кактусы-тактусы, - передразнивает она с едкой насмешливостью. - В любом случае, выглядит так себе.

Я пропускаю мимо ушей её очередную колкость. Десятилетний иммунитет к язвительности свекрови работает исправно.

Наступает неловкое молчание, в котором единственным звуком остается звенящая чашка, которую Варвара Семёновна, после каждого глотка, неизменно ставит на блюдце - такой резкий, почти неприятный звук-дребезжание. Это её способ подчеркнуть своё недовольство и напомнить мне о своём присутствии.

Она демонстрирует мне абсолютное внешнее спокойствие, но, очевидно, что в этот момент переваривает информацию: её пальцы сжимают ручку фарфоровой чашки с чуть большим, чем положено, усилием, а взгляд становится рассеянным. Кажется, что её привычная уверенность в сыне несколько пошатнулась. Она, мать Ильи, привыкла видеть в нём исключительно примерного мужчину, не способного на подобные подлости.

Я терпеливо жду, пока она закончит ритуальное чаепитие. Затем достаю из морозилки обещанные вареники с творогом и складываю их в термопакет.

- Если у вас всё, Варвара Семёновна, то всего доброго.

Свекровь хмыкает, но на этот раз без особого нажима. Кивает, уже больше по привычке, чем из благодарности, и поднимается:

- Не провожай, где выход знаю.

Я не настаиваю. Быстро убираю со стола, мою посуду, вытираю руки и уже потом иду в кабинет.

Сразу открываю нижний правый ящик письменного стола, где я храню личные документы, рассортированные по степени важности, и достаю целую стопку ежеквартальных отчётов обо всех финансовых операциях компании “ЭкоЛес”.

Все десять лет я исправно получала их от главного бухгалтера на правах второго из акционеров, и это не просто формальность. Эти отчёты я не просто так складывала в пыльную стопку, а внимательно изучала каждый.

Не потому, что я сомневалась в Илье - скорее, для полного понимания динамики бизнеса.

Да, лично я не участвовала в управлении компанией, лишь подписывала необходимые согласия, но в финансовом вопросе я разбиралась. Каждый баланс, каждая ведомость по расчётам с поставщиками, отчёт о прибылях и убытках, движение денежных средств - всё это было мне понятно. Я видела, как менялись дебиторская и кредиторская задолженности, как росли активы и формировалась рентабельность.

Достаю последний акт - годовой финансовый отчёт. Ещё раз бегло просматриваю его цифры: консолидированная прибыль демонстрирует уверенный рост, оборотный капитал находится в плюсе, показатели не вызывают никаких опасений.

Следующий квартальный отчёт, должен прийти дней через тридцать. Но ждать некогда. Тем более, если я уже всё решила. Поднимаю трубку и набираю рабочий номер главного бухгалтера; на мою удачу он сразу отвечает на звонок.

- Дмитрий Сергеевич, добрый день. Это Анастасия Ильинична.

- Анастасия Ильинична? - в его голосе слышится удивление и, кажется, лёгкое замешательство. - Не ожидал вашего звонка. Чем могу помочь?

- Я хочу распорядиться средствами компании на досрочное погашение ипотеки за дом, - не хочу вдаваться в лишнее подробности, поэтому выпаливаю на одном дыхании.

Слышу, как Дмитрий Сергеевич несколько раз нервно откашливается.

- Но, Анастасия Ильинична, я… я не могу принять такое распоряжение от вас.

- Как это не можете? - чувствую, как во мне закипает раздражение. - У компании есть значительный фонд экстренных расходов и существенный объем свободных денежных средств.

- Фонд есть, - он мнётся, и я нутром чувствую, что сейчас он скажет что-то, что мне вряд ли понравится. - Но... ведь месяц назад вы вышли из акционеров... поэтому ваше имя удалено из списка лиц, имеющих право распоряжаться средствами компании.

Я даже дышать перестаю. Слова главного бухгалтера бьют по мне, как удар под дых.

Как вышла из акционеров? Этого не может быть. Это какая-то ошибка!

- Что значит “вышла”? - мой голос дрожит. - Я второй акционер.

- Илья Павлович предоставил все соответствующие документы, - тихо отвечает Дмитрий Сергеевич, будто оправдывается. - С вашей подписью. Мне приказали внести изменения в реестр акционеров. Я… я не имел права оспаривать, это распоряжение было оформлено согласно всем обязательным процедурам.

- И узнала бы я об этом только через тридцать дней, когда бы впервые не получила от вас финансовый отчёт?

В трубке повисает неудобная тишина. Я почти вижу, как Дмитрий Сергеевич достаёт платок и промокает им вспотевший лоб.

- Анастасия Ильинична... Но как же... на документах стоит ваша подпись... - в его голосе слышится искреннее недоумение.

- Вот только я совершенно точно ничего не подписывала!

Глава 8

Мой голос звенит от негодования:

- Я не настолько глупа, чтобы подписывать документы, не глядя!

И Илья прекрасно осведомлён, что я никогда ничего не подписывала, не прочитав. Помню, как он неоднократно пытался подсунуть мне бумаги на подпись в самый неподходящий момент - когда я, например, только что закончила мыть посуду, руки были мокрые, а голова всё ещё занята домашними делами. Но я всегда говорила: “Оставь в кабинете”. Он знал, что я могу потребовать объяснений, потому что вникаю в детали.

Слышу, как главбух облегченно выдыхает, когда я не скатываюсь в истерику.

- Мне очень жаль, Анастасия Ильинична. Я только следовал инструкциям. Документы были оформлены правильно. Я… я даже не знаю, что сказать.

- А я знаю, - говорю прямо, - сядете все.

Мой муж отлично знал о том, что я получаю ежеквартальные отчёты. Он знал, что я в курсе всех финансовых операций компании. Таким образом, он не просто совершил этот явный подлог, он действовал осознанно. Это подлость вдвойне.

- Но... Анастасия Ильинична... я здесь совершенно не при чём...

- Вы помогли своему руководителю провернуть незаконную схему. Все ваши действия будут иметь последствия.

- Оригиналы документов хранятся в архиве отдела безопасности. Я могу… передать их вам на экспертизу.

- Вот это, Дмитрий Сергеевич, уже конструктивно, - говорю я. - Пришлите мне их курьером на домашний адрес. И ещё, мне необходимо, чтобы вы составили подробную служебную записку о том, как именно происходил процесс передачи полномочий от меня к Илье Павловичу со всеми деталями и датами.

Дмитрий Сергеевич снова несколько раз прочищает горло, словно вот только теперь наш разговор подошёл к главным неприятностям.

- Но у Ильи Павловича теперь тоже нет полномочий… Он больше не акционер.

- Как это? - Сказать, что я в шоке - ничего не сказать! - После этих своих махинаций он же должен был стать основным владельцем!

- И был им, правда недолго. После того, как вас исключили из состава акционеров, Илья Павлович… продал компанию.

- Продал?! - Я не верю своим ушам. - Кому продал? И где в таком случае деньги?

Мне кажется, что платок, которым всё это время несчастный Дмитрий Сергеевич промокает лоб, уже мокрый насквозь.

- Денег как таковых не было. Можно сказать, что сделка… состоялась фактически, на бумаге.

- Как это?! - возмущение перекрывает все остальные эмоции. - Выходит, что он просто “подарил” кому-то нашу компанию?

- Не совсем “подарил”, Анастасия Ильинична. Если документально, то Илья Павлович осуществил отчуждение доли в уставном капитале. Да, компания теперь оформлена на другое лицо.

- На какое лицо?! - требую я.

- Валерию Игоревну Любимову.

- Валерию Игоревну… - повторяю я, пытаясь осмыслить услышанное. - В голове не укладывается! Вы хотите сказать, что мой муж, будучи генеральным директором, продал или переоформил компанию, в которой раньше мы оба были акционерами, некоей женщине со стороны, и теперь она единственная владелица?

- Именно так.

- А Илья?

- Илья Павлович остался на должности генерального директора. Он по-прежнему осуществляет оперативное управление компанией. Однако, делает это в качестве наёмного сотрудника на зарплате.

- Вот ублюдок! - вырывается у меня, потом внутри всё холодеет.

Валерия Игоревна... Лера!

Получается, что мой муж взял и “подарил” нашу семейную компанию своей любовнице, а сам остался в роли обычного руководящего работника, чтобы платить мне алименты в 1/3 доли от своей зарплаты?

Нехилый расчёт!

Это даже не просто подло, а за гранью человеческого понимания.

Слов нет, однако я нахожу в себе силы для того, чтобы закончить разговор:

- Спасибо, Дмитрий Сергеевич. Жду от вас документы, служебную записку и всё, что хоть как-то связано с переходом права собственности к этой Любимовой.

- Хорошо, Анастасия Ильинична. Всё будет.

Кладу трубку и первым делом ищу визитку знакомого адвоката. Сейчас мне крайне необходим четный человек, который сможет разобраться во всём этом юридическом хаосе, который подстроил мне Илья.

“Алексей Николаевич Волков. Юридическая практика.”

Толковый. Он вел дела нашей компании ещё в самом начале её становления, мелкие, но я помню, как Алексей Николаевич настаивал на чёткой формулировке каждого пункта договора. Рассчитываю, что он окажется так же дотошен и сейчас.

Сразу набираю его номер. Гудки. Сердце стучит где-то в горле.

- Алексей Николаевич? Здравствуйте, это Анастасия Трофимова. Компания “ЭкоЛес”. Может, помните такую?

- Конечно. Чем могу помочь?

- Мне нужна ваша помощь.

Я чувствую, как голос становится твёрже с каждым словом.

Глава 9

Разговор с адвокатом получается недолгий. Оказывается, что моя ситуация легко описывается в двух словах: “полная задница”, и пока я не имею на руках подтверждающих документов от главбуха, эта наша беседа носит исключительно консультативный характер.

- Я понимаю. Именно поэтому и звоню. Главный бухгалтер, Дмитрий Сергеевич, пообещал прислать мне оригиналы и служебную записку о том, как всё происходило.

- Он согласился их передать? Это уже хорошо.

- Да. Как только они будут у меня, я сразу к вам.

- Верно, - подтверждает Алексей Николаевич. - Экспертиза поддельной подписи, доказательство факта продажи… всё это требует убедительного, а главное, неопровержимого подтверждения. К сожалению, это не та ситуация, которую можно решить на словах.

Он делает паузу, что-то записывает, я почти слышу, как карандаш шуршит по бумаге, и только потом продолжает:

- Как только получите пакет документов - сразу ко мне. Если они у вас будут сегодня-завтра, думаю, мы сможем оперативно начать.

- Хорошо. Большое спасибо, Алексей Николаевич. Я вас услышала.

Вешаю трубку и на несколько долгих минут откидываюсь на спинку стула, чтобы всё хорошенько обдумать.

Воздух в кабинете теперь кажется мне густым и спёртым. В голове крутятся обрывки фраз, имён: “подделал подпись”, “продал компанию”, “Валерия Игоревна Любимова”, а ещё предложение Ильи: “Мы с Лерой переедем сюда, а ты с детьми...” - которые сплетаются в один удушающий клубок.

На лёгкую победу рассчитывать не приходится.

“Процесс не быстрый”, - сразу предупредил меня адвокат. А значит, и денег потребуется немало. У меня, конечно, имеются личные небольшие накопления, но надолго ли их хватит? Вряд ли.

Я закрываю глаза, пытаясь заглушить нарастающую панику. Что делать?

Делаю глубокий вдох. Выдох.

Работать! Организаторские способности, плюс экономическое образование и аналитический склад ума - это мой фундамент. И вот в голове уже начинают вырисовываться размытые очертания первоначального плана. Это ещё не готовая схема, скорее, набросок, но уже кое-что.

Я открываю ноутбук, запускаю сайт вакансий, и тут мой взгляд цепляется за ленту объявлений: “Требуется уборщица”, “Горничная”, “Помощница по хозяйству”. Сотни, тысячи таких горящих вакансий. Женщины, ищущие работу, часто ограниченные в выборе, готовые к “черновой” работе, лишь бы заработать.

“Агентство добрых дел”, - мелькает мысль. Не просто клининговое агентство, а что-то большее. Судя по мелькающим объявлениям, есть много женщин, которые, как и я сейчас, оказались в уязвимом положении. И я могу помочь себе и им.

Беру чистый лист бумаги, ручку. Сайт вакансий передо мной, но теперь я смотрю на него иначе.

“Акцент на бытовых услугах.” - записываю я.

Но это только видимая часть. Главное - это люди.

“Создать рабочие места для женщин, оказавшихся в сложной жизненной ситуации.” - следующая запись. - “Обучение, поддержка, справедливая оплата.”

Я представляю себе команду сильных женщин, которые, как и я, неожиданно потеряли почву под ногами, но хотят жить достойно. Которым нужна не просто зарплата, а уверенность в завтрашнем дне.

Мои пальцы быстро бегают по клавиатуре, я выписываю адреса подходящих соискателей и работодателей. Женщины из объявлений - одинокие матери, разведённые, потерявшие работу. Клиенты - семьи, офисы, небольшие компании, которым нужна чистота и порядок. А дальше рисую схемы: стрелки, соединяющие одних с другими.

“Агентство добрых дел” - это будет не просто временный бизнес. Это будет мой способ изменить не только свою жизнь, но и жизни других - платформа, где женщины получат не только работу, но и поддержку: курсы по клинингу, юридические консультации для тех, кто оказался в бедственном положении, даже психологическую помощь. Это будет сообщество. Моё сообщество.

Я уже вижу, как оно растёт. Сначала - пара заказов в день, потом - сайт, приложение, франшиза. Деньги от этого бизнеса пойдут не только на зарплаты и мои личные нужды, но и на фонд помощи женщинам в беде.

Ирония судьбы: Илья хотел меня уничтожить, а я создам что-то доброе и сильное на руинах его предательства.

Кстати, об Илье. Ждать, пока он приведёт в мой дом любовницу? Ну уж нет!

Поэтому я пролистываю вакансии личного охранника и мой выбор почти сразу падает на одно из объявлений:

Оно не многословно: “Срочно ищу работу с проживанием. 35 лет. Рост 192 см, вес 100 кг (судя по габаритам - шкаф). Бывший военный, комиссован по ранению. Водительское удостоверение категорий В, С. Телефон для связи.”

Фото в профиле - квадратная челюсть, прямой нос, короткий ёжик волос, пронзительно голубые глаза и взгляд, который не обещает ничего хорошего тем, кто задумал плохое. Идеально!

Глава 10

Звоню.

- Александр? Добрый день. Меня зовут Анастасия Трофимова, и я заинтересовалась вашим объявлением.

- Слушаю, - голос низкий, уверенный.

- Мне очень нужен надежный человек для охраны дома и семьи. С проживанием на территории. Могу гарантировать полный пансион. По оплате договоримся. Вы можете приехать сегодня на собеседование?

Короткая пауза.

- Когда удобно? - спрашивает он.

- Чем быстрее, тем лучше. (Диктую адрес).

- Буду у вас через час.

Вешаю трубку. Сердце колотится, будто только что я получила запредельную дозу адреналина.

Понимаю, что время - мой главный враг, поэтому я без колебаний иду собирать шмотки предателя-мужа. Решительно и без сожалений вытряхиваю из шкафа его рубашки, брюки, пиджаки, кучей сбрасывая всё в два огромных чемодана, с которыми мы в прошлом году летали на море.

Едва успеваю спустить их вниз по лестнице и выкатить в прихожую, как слышу звонок в дверь.

На пороге вижу массивный мужской силуэт. Он кажется мне просто громадным, но я списываю это на оптическую иллюзию.

Открываю дверь. Нет, не иллюзия...

Сперва мой взгляд упирается точнёхонько в район солнечного сплетения. Медленно я закидываю голову вверх: чёрная кожаная куртка плотно облегает широченные мужские плечи, чуть выше - мощная шея. Дальше - квадратная челюсть, твёрдая линия губ, уже знакомый по фотографии прямой нос и, наконец, те самые пронзительно голубые глаза, которые смотрят на меня сейчас с той же повышенной внимательностью, с какой я оцениваю их обладателя.

- Анастасия? - спрашивает он.

Мне приходится откашляться, прежде чем удаётся ему ответить:

- Это я.

- Александр, - представляется он.

Ни грамма лишнего веса - только мышцы, тестостерон и непоколебимая уверенность.

- Прошу, - я делаю шаг в сторону, пропуская его в дом. А потом ещё два шага назад, чтобы сохранить расстояние между нами. Показываю рукой в сторону гостиной.

Его громоздкая фигура смотрится немного неуклюжей в тесном пространстве прихожей (забавно, но до его появления мне казалось, что у нас просторнее.)

Проходить он не спешит, его взгляд скользит по стенам, по мебели, оценивая обстановку с той же невозмутимой сосредоточенностью, с какой смотрел на меня. На его лице нет ни тени любопытства или удивления, только спокойная профессиональная настороженность.

Конечно, он замечает чемоданы, стоящие у стены, но не комментирует их.

И только потом наклоняется, чтобы расшнуровать свои армейские ботинки. Его движения размеренны, без суеты: он снимает их и аккуратно ставит у двери.

- Расскажите мне о себе.

Александр садится на краешек дивана - кажется, что пружины мягкой мебели под ним жалобно скрипят. Говорит кратко: спецназ ГРУ, вторая чеченская. Последние три года - СВО, теперь комиссован по ранению. Семьи нет. Готов работать 24/7.

Никаких сантиментов, ни слова о личном прошлом, кроме сухих фактов участия в боевых действиях.

Вижу, что на безымянном пальце его правой руки - бледный, но ещё отчётливый след от обручального кольца (а это значит, что снял он его не так давно). В душу чужому человеку лезть как-то не хочется, но, честно признаюсь, меня так и подмывает задать вопрос о причинах расставания.

Мало ли. Может, он тоже - подлец?

Нужно быть осторожнее, потому что мужчина твоей мечты... это чаще всего, чей-то бывший козёл!

Временно отбрасываю эти мысли и сосредотачиваюсь на деле:

- Вам будет предоставлена удобная комната и полное содержание. Надеюсь, вас устроит домашняя еда?

Он сухо кивает, в его глазах ни тени эмоций, только подтверждение. А я продолжаю:

- Плюс оплата.

Не могу не думать о том, что денег у меня не много, но нанять его - это вопрос первостепенной важности. И сделать это нужно прежде, чем мой муж приведёт свою любовницу в наш дом.

Мысленно я подсчитываю свои скромные финансовые возможности и вслух называю сумму, которая, возможно, покажется ему слишком маленькой.

Очень нервничаю. Пока жду его ответ, почти не дышу.

Вижу, как он прикасается к безымянному пальцу на правой руке, словно, когда думает, имеет привычку крутить обручальное кольцо, которого теперь нет. Потом сжимает губы в твёрдую линию и снова просто кивает.

- Проблемы есть? - спрашивает прямо.

- Есть, - отвечаю честно. - Без пяти минут бывший муж. - Киваю в сторону чемоданов в прихожей. - Замки я, конечно, сменю, но он всё равно может попытаться… войти в дом.

Взгляд Александра становится стальным.

- Не войдёт.

- Вы приняты.

Глава 11

Я едва успеваю показать Александру свободную комнату на первом этаже, как понимаю, что мне пора ехать за девочками - их уроки заканчиваются через 30 минут.

- Когда вы готовы приступить к работе? - спрашиваю я, уже будучи почти одной ногой за дверью.

- Уже, - отвечает он.

В подтверждение своих слов он достает из кармана свой паспорт и протягивает его мне. Я принимаю и бегло пролистываю документ, отмечая про себя, что он без колебаний доверяет мне свои личные данные.

Так и есть, был женат, сейчас разведён. Московская прописка. Детей нет.

Я неловко переминаюсь с ноги на ногу. Поглядываю на часы. Вроде всё уже решено, и всё равно такое чувство, словно в этот самый момент стою перед непростым выбором.

- Очень надеюсь, что вы справитесь, - говорю я, возвращая ему паспорт. Мой голос звучит твёрдо, несмотря на то, что внутренне я вся сжимаюсь от накатывающей волны легко объяснимой тревоги. Всё-таки чужой человек в доме.

Александр опять сухо кивает (то, что он немногословен уже понятно), забирает и убирает в карман документ, затем снимает куртку и закатывает рукава.

- Как я понял, вы хотели замки поменять?

Не дожидаясь моего ответа, он опускается на одно колено перед входной дверью и рассматривает замок: несколько раз поворачивает ручку, внимательно следя за тем, как ходит язычок. Его движения точны и выверены, без суеты, но с явным пониманием того, что он делает.

- Да, - подтверждаю я, - но мастеру ещё не звонила. Сейчас заберу детей из школы, вернусь и...

Александр кивает, не отрываясь от замка.

- Не нужен мастер. Попробую сам. У меня есть базовый набор инструментов в машине.

- Я могу заехать в магазин, если нужно.

- Просто оставьте мне ключ, - он кивает на связку в моих руках. - Похоже, что здесь можно просто перекодировать замок без замены.

Не без волнения я отдаю Александру ключи, наблюдая, как они ложатся в центр его большой мозолистой ладони.

- Спасибо, - благодарю его. - Я ненадолго.

- Без проблем, - кивает он, выходя из дома вместе со мной и направляясь к своей машине, очевидно, за инструментами.

***

Проклиная пробки, мчусь в школу.

Сначала я забираю младшую, Соню, которая сбегает с крыльца, размахивая мешком со “сменкой”, с широкой улыбкой. Потом мы вместе ждём Вику, которая хоть и видит нас, но подходить не спешит. Сначала она обстоятельно прощается со школьными подружками, что-то оживленно им рассказывая, а уже потом приветственно машет нам.

Уже в машине, когда мы трогаемся, я рассказываю девочкам о нашем новом “соседе”. Дети буквально заваливают меня оживлёнными вопросами:

- А он большой?

- Страшный?

- Сильный?

- Добрый?

- От кого он будет нас охранять?

И дальше: “В какой комнате он будет жить?”, “В школу теперь он нас отвозить будет?”, “И забирать?”. Ну, и по классике: “Он любит детей?”

- А папа не будет против? - Вика, как всегда, копает чуть глубже.

- Привыкнет, - я стараюсь объяснить как можно проще. Понимаю, что разговор с девочками об их отце неизбежен, но сейчас это кажется единственным верным решением.

- А его можно будет звать дядей Сашей? - Соня уже вовсю примеряет новые роли.

- Мы у него обязательно спросим, - улыбаюсь я. - Но давайте сначала познакомимся.

Девочки переглядываются, их взгляды полны предвкушения. Я чувствую, как в их маленьких головках уже строится целый мир, где появится новый, большой и сильный “дядя Саша”, который непременно будет их защищать.

Как только мы подъезжаем, я ставлю машину на привычное парковочное место, а девочки, отстегнув ремни, спешат выскочить и влетают в дом, кто вперёд. Я же, прежде чем войти следом за ними, невольно бросаю заинтересованный взгляд на входную дверь; замок выглядит так же, как и раньше. Любопытно, справился или нет?

Александр выходит нам навстречу буквально через минуту - видимо, разбирал свои вещи. Он переоделся, и теперь одет в простую серую рубашку и классические чёрные брюки; его широкие плечи и статная фигура сразу бросаются в глаза. Девочки, увидев его, не сдерживают дружного возгласа:

- Ого!

Александр реагирует на наше шумное появление с невозмутимым самообладанием, лишь слегка кивая детям. Теперь они смотрят друг на друга настороженно: две маленькие любопытные фигурки и высокий, крепкий мужчина. Однако, его сдержанность быстро сменяется мягкой улыбкой, и девочки, кажется, тоже расслабляются.

Соня, осмелев первой, осторожно спрашивает:

- А как нам можно вас называть?

Александр задумывается на мгновение, словно ища ответ, который устроил бы всех.

- Можно просто по имени - Александр. Но, если вам удобнее, то дядя Саша.

- Дядя Саша! - восторженно восклицает Соня, тут же, непринуждённо переходя на новое обращение. - Я - Соня, а это - она кивает в сторону сестры, - Вика!

Старшая дочь более сдержанна, но в её глазах тоже мелькает искорка интереса. Она подходит ближе, но все ещё держится на некотором расстоянии, внимательно рассматривая Александра.

- Вы… вы похожи на военного. Вы военный? - спрашивает она, и в её голосе слышится нотка восхищённого уважения.

- Военный. - Александр усмехается, и в его глазах появляется озорной блеск. - Я - офицер разведки военно-космических сил Южной Конфедерации, спецотдел “Галактика”. Отправлен к вам по спецзаданию моего командования с особо-секретной миссией.

- Вот это да! - Соня восторженно хлопает в ладоши.

- Ну что, девочки, - вмешиваюсь я, стараясь повернуть разговор в серьёзное русло, - пойдемте мыть руки и обедать. Домашние задания тоже никто не отменял! Александр, надеюсь, вы успели проголодаться?

Вика с Соней радостно соглашаются, временно позабыв о новых вопросах, и бегут вперёд, будто бы предвкушая скорое настоящее приключение. Я смотрю вслед их развевающимся хвостикам, а потом делаю приглашающий жест Александру следовать за ними.

Усмехнувшись, он идёт на кухню, а я чувствую, как часть моего двойного груза ответственности перекладывается на его широкие, сильные плечи.

Глава 12

Обед проходит в сравнительной тишине, нарушаемой лишь стуком ложек о тарелки. Девочки, то и дело переглядываясь, украдкой наблюдают за Александром. Он действительно ест с большим аппетитом и опустошает уже вторую тарелку борща.

Я тоже засматриваюсь на него.

Илья в последнее время всё как-то сухо “клевал” - ложку-другую, поковыряется, поморщится и отставит тарелку, и это при условии, что я готовлю не просто отлично, а с душой. Одним словом: зажрался!

А Александр не пытается произвести впечатление, просто ест, как и подобает человеку, который, вероятно, не ел вкусно, сытно и спокойно уже очень давно.

Когда его тарелка пустеет, я инстинктивно тянусь к ней, чтобы забрать. Но он твёрдо останавливает меня:

- Я сам. Спасибо.

И, к моему удивлению (и некоторому замешательству), он действительно встаёт, подходит к раковине и принимается мыть посуду.

Я немного тушуюсь от его самостоятельности.

Непривычно. Илья никогда домашними делами не занимается, считая, что это исключительно женская обязанность: подать-принести-убрать. Он вообще предпочитает их разделять: есть дела женские, общие и мужские. И вот мужские - это глобальные, как спасти мир - не меньше, а всё остальное незначительное - женское.

И вот сейчас, когда рядом раздаются звуки льющейся воды и тихого перезвона посуды, я не могу отделаться от ощущения, что что-то изменилось. Этот чужой мужчина на моей кухне, с его прямой осанкой и голубыми глазами, с его молчаливой уверенностью, совершенно не вписывается в мою прежнюю картину мира. Он не делит дела на мужские и женские, он просто молча делает то, что нужно.

- Ладно, а теперь за уроки! - командую я, как только мы с девочками заканчиваем с едой.

***

Дальше я стараюсь сосредоточиться на домашних заданиях, помогая Вике с нелюбимой математикой, а Соне - с чтением. Но краем уха всё равно прислушиваюсь к тому, что происходит в доме.

Я чувствую себя несколько неуютно, всё-таки рядом с нами теперь живёт чужой человек. Ловлю себя на том, что обращаю внимание на все посторонние звуки, пытаясь уловить, чем же там без нас сейчас занимается Александр.

Про предательство мужа я стараюсь не думать, потому что знаю, что накручивать себя умею, практикую. Поэтому, чтобы избежать рукоприкладства по его возвращении и оставить на кухне многострадальную скалку нетронутой, терплю как могу.

Стараюсь не показывать своё взвинченное состояние детям, поддерживаю максимально спокойный тон, отвечая на их вопросы, хотя у самой внутри всё буквально держится на той самой, последней капле самоконтроля, которая переполнит и океан.

Смотрю на часы, инстинктивно отсчитывая время до возвращения Ильи. Каждый тикающий звук минутной стрелки кажется мне настоящей пыткой. Чем ближе его приход, тем сильнее нарастает внутреннее напряжение.

Внезапно, откуда-то снизу доносится звук разбивающегося стекла. Моё сердце замирает. Я вздрагиваю, и девочки тоже настороженно синхронно поднимают от учебников свои головы.

- Что это? - шепчет Соня, её глаза расширяются от любопытства.

Я отмахиваюсь, но поднимаюсь, чтобы пойти посмотреть.

- Это ничего, - отвечаю сразу, чтобы не подогревать богатое детское воображение. - Наверное, Александр что-то уронил. Не отвлекайтесь.

Я предупредительно прикрываю за собой дверь Сониной комнаты, в которой мы занимаемся, и бегло спускаюсь вниз. Сначала делаю несколько шагов в сторону кухни, но останавливаюсь, прислушиваюсь и поворачиваю к гостиной. Останавливаюсь на пороге...

Александр стоит, наклонившись над разбитой вазой, осколки которой разлетелись по полу. Её нам с Ильёй подарила Варвара Семёновна на первую годовщину нашей свадьбы, со словами: “Пусть стоит до хрустального юбилея.”

И вот, пожалуйста...

- Всё в порядке? - спрашиваю я, подходя ближе.

Александр поднимает голову, и в его голубых глазах я вижу лёгкое сожаление.

- Прошу прощения, - говорит он ровным голосом. - Не привык. Я здесь как слон в посудной лавке.

Он снова наклоняется, чтобы собрать осколки, но я опережаю его.

- Я сама, - говорю я, и в этот раз мой голос звучит твёрже, чтобы не получилось так, как в обед с грязной посудой. - Пожалуйста, не беспокойтесь. Честное слово, это на счастье!

Именно в этот самый момент ручка входной двери в прихожей несколько раз нервно дёргается вверх-вниз, а затем следует громкий, раздражённый стук.

Это Илья вернулся с работы...

Я машинально замираю. Смотрю сначала туда, на дверь, потом перевожу взгляд на Александра. Наверное, в моих глазах он видит что-то, что ему не нравится, потому что между его бровей залегает глубокая складка и глаза теряют свою лёгкую прозрачную синеву, становясь какого-то свинцового, тяжелого цвета.

- Я сам, - отвечает он, повторяя мои же слова, с твёрдым нажимом. И... идёт открывать.

Глава 13

Я прислушиваюсь к каждому звуку, к каждому шороху, пытаясь уловить, что происходит за дверью. Сначала доносится недовольное бубнёж Ильи, в котором слышится нескрываемое раздражение. Затем, привычно ровный ответ Александра, который, кажется, абсолютно невозмутим.

Короткий обмен репликами. Звук выставляемых за дверь чемоданов.

Снова что-то возмущённое от мужа, а дальше - начинается лёгкая возня, какой-то приглушённый шум, и тут уже я не выдерживаю. Страшно любопытно! Сердце колотится где-то в горле, тогда как ноги сами несут меня к двери.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.